

Детективные романы Татьяны Гармаш-Роффе:

Тайна моего отражения
Шантаж от Версаче
Частный визит в Париж
Голая королева
Шалости нечистой силы
Ведьма для инквизитора
Роль грешницы на бис
Вечная молодость с аукциона
Ангел-телохранитель
Королевский сорняк
Мертвые воды Московского моря
Е.Б.Ж.
13 способов ненавидеть
Уйти нельзя остаться
Расколотый мир
Ведь я еще жива
Черное кружево, алый закат
Ягоды страсти, ягоды смерти
Вторая путеводная звезда
Золотые нити судьбы
Властитель женских душ
Укрыться в облаках
И нет мне прощенья
Сердце не обманет, сердце не предаст
Силы небесные, силы земные
Легкое дыхание лжи
Завещание с того света

ТАТЬЯНА
Гармаш
Ротте

Шалости нечистой силы

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г20

Оформление серии *С. Груздева*

Под редакцией *О. Рубис*

Гармаш-Роффе, Татьяна Владимировна.

Г20 Шалости нечистой силы / Татьяна Гармаш-Роффе. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Детектив как искусство. Романы Т. Гармаш-Роффе).

ISBN 978-5-04-004144-2

На этот раз частному детективу Алексею Кисанову предстоит нелегкая работа... Его новый клиент Стасик рассказывает про себя невероятные вещи. То он проснулся... на крыше. То в его отсутствие в квартире кто-то переставил мебель. А один раз среди ночи оказался на кладбище, а вокруг него кружили дьявольский танец вампиры. Неужели он сходит с ума... А может быть, это происки нечистой силы?! Стасик именно так и думал, пока не увидел свой фоторобот на стенде «Их разыскивает милиция»... Алексей Кисанов с интересом берется за дело. Ведь именно в то время, когда со Стасом шалила нечистая сила, по городу прокатилась волна групповых изнасилований, повлекшая за собой череду смертей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-004144-2

© Гармаш-Роффе Т.В., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Убивать сначала время, потом муху, возможно, мышь, потом как можно больше людей, потом опять время.

Эрих Фрид¹

ЧАСТЬ 1

ЛОВЛЯ СПЕЛЫХ ЗВЕЗД НА КРЫШЕ

...И звезды были такими крупными, такими спелыми и яркими, словно лежишь под яблоней, а тебе в рот смотрят чистые, умытые яблоки, лучась сытыми боками. Казалось — руку протяни, и сорви сияющий плод, да хрустни на всю округу ледяной и сочной звездой... И вся эта роскошь — всего лишь с высоты какой-то зачуханной пятиэтажки, продравшейся крышей сквозь хмарь московского загаженного неба! А если бы на Останкинскую телебашню забраться? На тот самый высокий, самый последний балкончик, которым окружен шпиль? Оттуда, должно быть, звезды еще вкусней...

Одно было плохо: стылая осенняя ночь выбрала последнее тепло из одежды, и алкоголь, все еще гулявший в крови, уже не согревал.

Зазвонил будильник, и Стасик привычно нашарил его у изголовья. Нажал холодную отсыревшую кнопку.

И тут же резким рывком сел, испуганно оглядываясь. Сердце заколотилось, как и острая боль в висках. Он спал на...

На крыше?!

Пятиэтажки?!!

И будильник рядом поставил?!!

¹ Австрийский поэт и философ, 1921—1988. *Пер. В. Куприянова.*

— С вас тридцать четыре рубля.

Стасик очнулся, тряхнул головой, возвращаясь в действительность, вытащил из кармана потертое коричневое портмоне и стал отсчитывать деньги.

— Молодой человек, вы зажигалку уронили, — обратилась к нему стоявшая за ним в очереди в кассу немолодая тучная женщина.

Действительно, секунду назад что-то звонко треснулось о кафельный пол магазина. Стасик обернулся. В метре от него поблескивало золотистое тельце дорожной зажигалки.

— Это не моя, — пожал он плечами.

— Да, но я видела, как она выпала из вашего кармана! — возразила дотошная соседка по очереди.

«Неужели опять?» — Стало мгновенно жарко, и спина сделалась влажной под дутой синтетической курткой.

— Я не курю, и это не моя зажигалка! — раздраженно бросил он женщине.

— Да, но я видела... — растерялась та. — Она выпала, когда вы вытаскивали кошелек...

— Хорошо! — нервно выкрикнул Стасик. — Хорошо! Она выпала из моего кармана, это моя зажигалка, вот я ее беру, теперь вы отстанете от меня, а?

Женщина покраснела от обиды. Она, можно сказать, из лучших чувств, а ее за это еще и обругали! Вот до чего народ дошел — кидаться стали друг на друга! Ладно бы она попыталась прикарманить чужую вещь, так нет же, хотела честно вернуть ее хозяину!.. Эх, делай людям добро после этого...

Поджав губы, женщина демонстративно повернулась к Стасику широкой спиной в ярко-синем пальто.

Стасик брезгливо взял в руки зажигалку. Он был близок к истерике. Сунув зажигалку в карман, суетли-

во расплатился, забрал сверток с колбасой с прилавка и торопливо покинул магазин.

«Все, — думал он, возвращаясь домой, — все конечно. Я болен. Я сумасшедший и kleптоман. Я ворую чужие вещи и даже не замечаю этого. У меня что-то с памятью. К психиатру надо идти, к психиатру! Иначе я и впрямь сойду с ума...

Скорей бы Галка появилась. Пока не сошел».

— Почему так поздно? — вскинулся он, едва Галя открыла дверь.

— Скажи спасибо, что вообще пришла... — рассеянно откликнулась она, снимая шубку. — Муж ко мне едва охрану не приставил, я уж думала, не увидимся с тобой сегодня.

— С чего бы? Подозревать стал что-то?

— Да нет, из-за маньяков! — сказала Галя, аккуратно ставя сапожки под вешалку.

— Каких еще маньяков?

— Ну ты даешь! Газет, что ли, не читаешь?

— Ну уж не раздел криминальной хроники, — связывил Стасик: Галин муж работал в уголовном розыске.

— Маньяки по квартирам ходят, мужей связывают, а женщин насилюют в их присутствии, — объяснила Галя. — И мужья как один помирают от огорчения! — Она прошла в комнату и окинула ее хозяйским глазом.

— Ну, ты-то ничем не рискуешь! — Стасик следовал за ней. — Чтоб тебя изнасиловать в присутствии мужа, им его долгонько подстергать придется — импотентами успеют стать!

— Эй, эй, полегче! Я тебе сто раз говорила, Стасик, не наезжай на моего Димку!

— А я тебе сто раз говорил: не называй меня Стасиком! Я — Стас!

— И чего ты такой злой сегодня, Стас? — хмыкнула

Галя. — Чем тебя мой муж обидел? Иль ты меня ревновать вздумал?

— Вот еще!

— Тогда и не выступай... Ты уже ел?

— Галка, мне не до еды...

— Да? — игриво произнесла Галя, поведя бедрами. — Так я пошла в ванную?..

— погоди. — Стасик дотронулся до ее круглого плеча извиняющимся жестом. — Сядь, я тебя прошу. Мне нужно тебе кое-что рассказать...

Галя без возражений села и приготовилась слушать, устремив свои карие блестящие глаза на Стасика со всем возможным вниманием: такое предисловие означало, что Стасик опять куда-то вляпался...

Галя принадлежала к породе женщин, истекавших повышенным материнским инстинктом, как кормящая мать молоком из набухшей груди. Такие женщины всегда ищут объект приложения своих щедрых забот, тот роток, который готов отсосать излишки животворной субстанции. Правда, Галя еще до Стасика нашла вполне успешное применение этой благотворительной склонности: опекать своего мужа Диму, бравого уса-того опера, у которого работа нервная и опасная и который нуждается в домашнем уюте, душевном тепле и горячих пирогах для восстановления в короткие мгновения отдыха потраченных душевных и физических сил.

Но Дима оставлял пустоты в Галкиной любвеобильной душе. Ее женской ласки и заботы хватало на двоих (а может, и на троих бы хватило, но Галка экспериментировать не рискнула — так далеко ее эмансипированное свободомыслие заходить не отваживалось), в отличие от ее мужа, которого на двоих — работу и жену — не хватало. Все же как ни крути, а даже сильно

развитый материнский инстинкт требует вознаграждения в виде мужского внимания и прочих мужских качеств, столь необходимых женщине. И недоданное ей мужем Галя возмещала в умеренных любовных взаимоотношениях со Стасиком, одновременно дотрачивая излишки своей потребности кого-нибудь опекать.

— Это уже не в первый раз! — нервно говорил Стасик. — То у меня какие-то чужие ручки в карманах, то ключи, то зажигалки... Я, кажется, стал kleптоманом!

— Ну-ка покажи. — Галя была образцовой женой собственного мужа и желала увидеть вещественные доказательства.

Стасик двумя пальцами, словно заразу, вытащил зажигалку из кармана.

— И у тебя такой никогда не было? — нахмутив лоб, уточнила Галя.

— Никогда. У меня всегда были дешевые, а с тех пор, как бросил курить, вообще все соседу отдал.

— А что за ручки? Ты сказал, еще ручки какие-то и ключи...

— Они потом куда-то делись... — На лице у Стасика изобразилось неподдельное отчаяние. — Я к тому же еще и вещи постоянно теряю! Даже не теряю, потому что они потом часто находятся, а просто у меня что-то с памятью, Галка! Два дня назад кинулся — портмоне нет. Ну я же брал его с собой, я помню! Переложил из одних брюк в другие! И вдруг — нету. Думал, украли! А на следующий день — есть... Лежит в кармане куртки... Я его туда никогда не кладу, из куртки вытащить легко! По-моему, я чем-то болен... Мне надо, наверное, к врачу, Галка. А вдруг это болезнь Альцгеймера? Слышала о такой? Это когда забываешь все: и кто ты сам, и где живешь...

— Но ты-то не забыл, где живешь? И кто ты сам? А скажи-ка на всякий случай: я кто?

— Кончай издеваться! Это совсем не смешно! Говорю тебе — со мной что-то не то, у меня провалы в памяти...

Галя слушала недоверчиво.

— А может, это от успехов у тебя крыша едет? — предположила она.

Верно, Стасик вот уж несколько месяцев как может похвастаться некоторыми достижениями. Художник-плакатист, многие годы безрадостно отдавший советской и постсоветской агитпропаганде, он наконец нашел себя: изучил компьютер и создал небольшую рекламную фирму. Стал брать заказы на изготовление рекламы всех сортов. Сначала было туго, но последнее время пошли серьезные заказы, а с ними и деньги. Есть отчего потерять голову. Стасик даже стал подумывать, не купить ли машину!

— Может, у тебя крыша поехала от денег? — внесла уточнение Галя. — Знаешь хохму? Мужик просыпается утром, лежит записка: «Я поехала. Твоя крыша».

Стасик посмотрел на Галю: может, как раз сейчас о сне на крыше и рассказать? Вот уже месяц прошел с его ночного крышеприключения, а он до сих пор не осмелился. Но Галя ведь спросит: «Да как же ты на крыше-то оказался?» И что он скажет? «Не знаю»?

Галя кареглазая, плотненькая, быстрая. Круглые щеки с ямочками, улыбка обалденно обаятельная, короткая стрижка ей идет и придает мальчишески-залихватский вид. Она веселая, смешливая, щедрая и одновременно практичная. Идеальная жена. Если не считать, конечно, того, что мужу своему она изменяет. Но Стасик — не муж, и ему Галя — идеальная любовница: темпераментная, понятливая, разумная, умеющая организовать их встречи... И, что существенно, ничего от Стасика не требует. Замуж ей не надо, подарков тоже не надо — «Ты с ума сошел? Куда я их девать буду? Му-

жу показывать: смотри, дорогой, какое бельишко мне любовник купил?». Секс да возможность заботиться еще и о нем, о Стасике, — вот и все, что ей требуется. Успеваает пирогов напечь и для мужа, и для любовника. Да еще Стасика выслушать, его морально поддержать в сомнениях по поводу его талантов (а их у Стасика было много), развеять все его печали — клад, а не любовница.

— А то деньги знаешь, вещь такая... — Аппетитные ямочки на Галиных щеках обозначили легкую усмешку. — Не у одного тебя завихрения происходят. Димка тут мне нарасказывал...

— Галь, только вот не надо мне еще историй с Петровки, ладно? Я и так с ума схожу!

— Ты бы лучше не болтался вечерами по друзьям да по питейным заведениям! А то знаю я, что у тебя за Альцгеймер: в прошлый раз так надрался, что вспомнить не мог, где и с кем!

— А куда мне прикажешь по вечерам деваться? Ты мужа обихаживаешь, а я должен один дома сидеть?

— Стасик, мне следует это считать предложением руки и сердца? — ехидно проговорила Галя. — Ты меня подбиваешь на развод?

Галя прекрасно знала, что Стасика весьма устраивают их отношения и смена статуса любовника на статус мужа ему вовсе не улыбается: Стасик из тех мужчин, которые женитьбы боятся, как чумы. Впрочем, Галю их отношения тоже весьма устраивали и менять мужа Диму на мужа Стасика у нее не было ни малейшего намерения.

Не дождавшись ответа на свою ехидную реплику, Галя продолжила, горячась:

— Конечно, это деньги тебе карман жгут! Вот ты на радостях и не замечаешь, как спиваешься! Лучше б машину купил!

— Пока не хватает.

— Так копи! Нечего по пивным шляться!

— Ревнуешь?

— Вот еще!

— Не волнуйся, я тебе не изменяю. Мне, кроме тебя...

— Да знаю я, знаю: тебе, кроме меня, никто не подойдет...

— Я хотел сказать: «Не нужен».

— Правильно, потому что никто не подойдет. Кто еще будет с тобой, с тюней, столько возиться? Это только я с моим мазохистским комплексом способна тебя выносить!

Галя была убеждена, что Стасику нужно внушать именно такой подход к их отношениям. Беззастенчиво влезая на пьедестал мудрой благотворительности, она отводила Стасику место где-то у его подножия, место недотепы, который без нее непременно пропадет, — с точки зрения Галки, именно такая диспозиция наиболее прочно закрепляла их связь. На деле же, будучи и собственницей, и ревнивицей, она просто не могла перенести даже мысли о том, что Стасик вдруг возьмет да заведет себе однажды другую женщину.

— То есть?! Ты хочешь сказать, что я тебе ничего не даю? — возмутился Стасик. — Да я в постели за двоих отдуваюсь — за себя и за твоего муженька, который вечно отсутствует, и вечно устал, и в погоне за криминалом порастерял все мужские достоинства, кроме усов!

— Эй, полегче! Нечего моего мужа задевать! Тебе знать не дано, что он растерял, а что нет!

— Что ж ты тогда любовника себе завела?

— Да это я так, скорее сыночка себе завела, чем любовника... Нерастроченный материнский инстинкт, — гнула свою пропагандистскую линию Галя.

— Ну знаешь!.. Я, если так... Если на то пошло, то я не нуждаюсь...

— Ладно, не кипятись, — примирительно сказала Галя. Она ненавидела ссоры.

— Нет, я хочу, чтобы ты знала: я не нуждаюсь в мамочке...

— Люблю, когда ты злой. Хоть на мужика становишься похож.

— То есть?! А так что, не похож?

— А так похож на дитюсю. Что внешне, что по характеру... Ладно, ладно. — Галя решила, что перебарщивает, и одарила Стасика ласковой усмешкой, — в постели, слава богу, ты похож на мужика. Иди лучше.

— Куда?

— В койку, боже мой — «куда»...

Стасик проследовал в указанном направлении и оказался, как всегда в таких случаях, в ударе. Может, Галка, подлюка, нарочно его дразнит перед тем, как заняться любовью?

«Дитюся». Галка знала, как он бесился, когда ему напоминали о некоторой детскости в его лице. Стасик в детстве был рыж и кудряв, как маленький Ленин. Голубые глазки и пухлые щечки. После двадцати пяти волосы потемнели, пухлость щек почти исчезла, глаза сделались обычными серыми. К тридцати Стасик стал законченным шатеном, от бывшей рыжины остались только белая, чувствительная к солнцу кожа да веснушки на спине и руках. Но это его не портило. Он был выше среднего роста, строен, спортивен (нешадно боролся с лишней складкой жира, которая так и норовила появиться на белом теле, немедленно вызывая в памяти образ пухлого рыжего младенца). Он был весьма хорош в профиль (римский!) и вполне неплох анфас, а маленькая шелковистая бородка скрадывала остаточную пухлость на скулах и придавала лицу мужест-

венность с оттенком некоторой богемности. Женщины на него охотно поглядывали, и верность Гале Стасик ставил себе в заслугу. Если бы он захотел, он мог бы...

Но негодница, как всегда, права: он не хотел. Галка его устраивала, устраивала до такой степени, что он даже не думал ни о семье, ни о постоянной женщине, которая принадлежала бы только ему, а не дополняла бы им, как Галя, свои отношения с мужем. Стасик не был ревнив и в сложившейся ситуации усматривал исключительно одни плюсы. С Галей было хорошо. С ней было легко и радостно. И необременительно.

Стасик любил шутить: «Я еще не Сальвадор Дали, но Галя у меня уже есть...»

ВЕРА В СВЕТЕ ЗИМНЕГО ДНЯ

Год заканчивался, и гороскопы, как всегда, наврали. Наобещали большую любовь и верное замужество и — наврали. Точнее, любовь у Веры была — вот уже третий год как была. А замужества не было и не предвиделось. Не считать же замужеством тот глупый брак с однокурсником, который скоропостижно закончился тихим разводом!

...Вера рано вышла замуж за весельчака и балагура со своего курса, приняв его добродушие — за доброту, а привычку шутить — за радостное мироощущение, которого ей так самой недоставало, и охотно покинула родительский дом, где царили отношения прохладного непонимания. Но веселая никчемность мужа-однокурсника быстро разочаровала Веру, и они расстались.

Потянулись долгие годы одиночества. Жизнь казалась ей нескончаемым зимним днем — таким тихим, безветренным, когда крупными хлопьями валит снег, и жемчужно-серый свет, ровно и мягко заливающий двор и комнату, кажется единственно возможным ос-

вещением, будто никогда не было и не будет солнца, будто никогда не было и не будет ночи, а будет только это тихое жемчужно-серое сияние...

Этот свет словно исходил от самой Веры: мягкий, спокойный, без теней и контрастов — чарующий и непонятный, влекущий безбрежностью светлых и ровных заснеженных просторов. Казалось, этакая спящая красавица — разбудить бы. И находилось немало охотников, желавших оживить поцелуем, растопить пушистые сугробы, глянуть: что под ними?..

Тем не менее Вера так и жила одна: как любой другой человек, она нуждалась в ответном человеческом тепле, в любви и нежности, в ласке душевной и физической, но, как немногие, Вера не желала размениваться и соглашаться на компромисс, будучи из той породы, которой «либо все, либо ничего» — установка вполне самоубийственная...

Но Вера знала: прими она ухаживания довольно-таки многочисленных поклонников, позволь им приблизиться, войти в дом и в душу, она бы наутро брезгливо рассматривала следы, оставленные «компромиссным» вариантом в ее доме, душе и теле, и с отвращением оттирала бы и те и другие...

Беда же заключалась в том, что Вера была умной женщиной. «Умный» — понятие одновременно объемное и расплывчатое, а язык человеческий убог и не способен дать точное определение разным типам ума. Можно быть превосходно образованным эрудитом — и дураком. Можно быть талантливым болтуном и писать крутые статьи и книжки, где ограниченность прячется за витиеватым нагромождением слов. Можно быть хитрым и расчетливым ловкачом, но при этом тупицей...

Вера глубоко чувствовала и понимала мир, она знала о людях, о социуме и о законах, которым подчиня-